

АНТОН МАКАРЕНКО — МАГЕЛЛАН ПЕДАГОГИКИ

Юрий Чапала,
педагог, публицист

На протяжении почти столетия Антон Семёнович Макаренко — самый изучаемый в мире педагог. По обилию и разнополярности мнений он не знает себе равных. Одни пытались канонизировать Макаренко и его творческое наследие, другие — предавали его анафеме, называли «фюрером от педагогики», «идеологом ГУЛАГа»... Сегодня, в эпоху крайне обострившихся геополитических, идеологических, межцивилизационных противоречий, непримиримой борьбы индивидуализма и коллективизма, идеи великого педагога-философа, педагога-гуманиста переживают второе рождение. В этом нет ничего удивительного, тем более — парадоксального: воззрения А.С. Макаренко, основанные на объективных закономерностях мироустройства и законах диалектики, обретенные ценой мучительных исканий и блестяще подтвержденные практикой, — явление надклассовое и вневременное. Педагогика Макаренко как порождение современной ему эпохи по праву и в одинаковой мере принадлежит всем последующим поколениям, разделяя судьбу всякого подлинно великого открытия.

В чём же основная заслуга А.С. Макаренко перед человечеством?

На этот вопрос я попытался ответить в романе «Сочинение на несвободную тему», который стал своеобразным отчётом и итогом многолетнего опыта работы автора в школе-интернате и колонии для несовершеннолетних преступников.

Так угодно было судьбе, что мне довелось работать в Куряжской воспитательно-трудовой колонии, основателем которой был А.С. Макаренко, хотя это и не совсем так. Учреждение это — весьма специфичное. Прежде всего, потому, что сочетает в своей деятельности функции, в принципе несочетаемые — педагогическую и карательно-репрессивную. Причём последняя считается едва ли не самым действенным средством воспитания в том его виде и понимании, которые существуют и поныне в наших ВТК. Тем не менее подростковая преступность — объективно существующее явление, а всякое преступление должно быть наказуемо. Сомнению это не подлежит. И проблемой проблем здесь является вопрос о причинно-следственных взаимосвязях: детская, подростковая преступность в подавляющем большинстве — закономерная реакция на жестокость общества, неизбежное, неизбежное её следствие, так целесообразно ли «лечить подобное подобным», не исцеляя духовно? С другой стороны: этично ли в угоду соображениям гуманности пренебрегать фактором возмездия? Получается заколдованный круг, в котором и пребывает так называемая «пенитенциарная педагогика» (меня коробит изначальный цинизм этого термина — «тюремная педагогика», хотя он считается вполне научным). Как же быть? Ответить на этот вопрос взялся Антон Семёнович. Результат, к которому он пришёл, поразителен, он являет собой своеобразную и не имеющую общего решения «систему двух уравнений», где оба ответа исключают друг друга.

Первый ответ. Да, создать воспитательное учреждение для эффективной «переделки сознания» несовершеннолетних преступников в идеале возможно, но лишь при том непременном условии, если оно, это учреждение, будет существовать в виде самодостаточной ребячьей «республики», в некотором роде изолированной от общества (имею в виду не колючую проволоку, а отсутствие внешних воздействий). Наглядный тому пример — колония им. Горького и коммуна им. Дзержинского.

Возможен и **второй ответ:** создать такое учреждение в принципе невозможно, поскольку невозможно «жить в обществе и быть свободным от общества». Любое учреждение, в том числе и воспитательное, существует в обществе, выполняет его социальный заказ, обусловленный принятой в данном обществе системой нравственных ценностей. Существование такого идеального воспитательного учреждения для несовершеннолетних

преступников было бы возможным в идеальном обществе, однако само по себе это нонсенс, поскольку в идеальном обществе преступности вовсе не существовало бы. Наглядное подтверждение правильности этого тезиса — то, что, в конце концов, произошло и с колонией им. Горького, и с коммуной им. Дзержинского, закрытых «за ненадобностью». Да и сама судьба, постигшая Макаренко, который в своё время мудро заметил, что «считает социализм возможным лишь в лучших его проявлениях».

Таким образом, получается, что ответ здесь может быть не точным, а лишь весьма приблизительным и заключается в том, что состояние дел и подход к решению вопроса о диалектике воспитания и наказания в колонии — отражение развития самого общества и его гуманности.

Вот почему эффективно применить «идеальную» педагогику А.С. Макаренко в «неидеальном» обществе в полном объёме считаю невозможным. Наглядное свидетельство тому — безуспешные попытки воплотить в жизнь систему философско-педагогических воззрений Антона Семёновича и в бывшем СССР, и в нынешних псевдodemократических государствах СНГ. Вот почему А.С. Макаренко в СССР и отдельные положения его педагогики, в принципе невыполнимые вне целостной системы, были официально канонизированы, причём на чисто декларативном уровне, а не на деле. А в нынешних условиях они огульно поносятся досужими писателями и псевдоисследователями: декларировать либо поносить нечто всегда легче, нежели воплощать это нечто в жизнь в конструктивном осмыслении. Вот почему, наконец, так огромен и непреходящ интерес прогрессивно мыслящей научной и педагогической общественности всего мира к наследию великого педагога и великого гуманиста: в нём ищут пути гуманизации самого общества, как можно большего его соответствия высоким нравственным идеалам.

Сущность концепции осмысления творческого наследия Антона Семёновича, которой я придерживаюсь и которую пы-

таюсь отстаивать, в том, что эволюцию его воззрений, доказанных экспериментально, следует воспринимать прежде всего не в узкопедагогическом, методическом, а в широком философском, **методологическом** аспекте, поскольку речь идёт о таком исключительно важном, определяющем для нашей цивилизации факторе, как диалектика в человеческом сознании личностного и общественного — того, что Ф.М. Достоевский в своё время определил следующим образом: «Здесь Бог с дьяволом борется, а поле битвы — сердца людские». При этом показательно, что к своим окончательным выводам Макаренко пришёл не сразу, а используя общепедагогический метод «отрицания отрицания», последовательно преодолевая заблуждения, имевшие место в его сознании.

Современные критики А.С. Макаренко, огульно понося его взгляды и намеренно выплёскивая с водой и ребёнка, основной упор в своих схоластических умозаключениях делают на том, что-де «этот фюрер от педагогики нанёс ей непоправимый вред, будучи как бы идеологом теории обезличивания личности, её полнейшего нивелирования, превращения в лишённый индивидуального творческого начала бездумный винтик бездушного механизма в угоду современной ему тоталитарной политической системе». Яркий образчик такого подхода — нашумевший в конце 80-х и вызвавший широкий общественный резонанс роман Юрия Азарова «Не подняться тебе, старик...». На самом же деле, по моему убеждению, Азаров и иже с ним — люди далеко не глупые и, несомненно, умеющие аналитически мыслить, обвиняя Макаренко в служении конъюнктуре, сами при этом руководствовались чисто конъюнктурными соображениями, трюкачеством, сулившим гром обывательских аплодисментов и дождь вождельных сребреников. Почему? Попытаюсь ответить на этот вопрос.

Октябрьскую революцию А.С. Макаренко встретил восторженно, как и огромное большинство современных и социально близких ему представителей интеллигенции недворянского происхождения (впрочем, отчасти и дворянского), в числе которых были такие гиганты, как Горький, Маяковский и многие другие, конечно же, не имеющие понятия об истинных намерениях захватившей власть когорты «большевиков-ленинцев», стремящихся использовать поверженную в разруху и кровавый хаос Российскую империю как плацдарм для дальнейшей экспансии «мировой революции» и впоследствии жестоко поплатившихся за это. В этом смысле родной брат А.С. Макаренко Виталий Семёнович, белый офицер, эмигрировавший и проведший остаток жизни на чужбине, был намного прозорливее, хотя и его судьба трагична, что лишь подчёркивает, что Октябрь стал бедствием воистину всеобщим (как здесь не вспомнить «Тихий Дон» М. Шолохова, показавшего всю глубину трагедии народа?).

Тем не менее поначалу А.С. Макаренко был искренне убеждён в том, что Октябрь открыл перед ним «невиданные перспективы». На мой взгляд, такая позиция вполне закономерна: разложившийся и насквозь прогнивший самодержавный строй давно

нуждался в реформировании. Это в полной мере касалось и вопросов воспитания. К тому времени Антон Семёнович был уже сформировавшимся профессионалом своего дела, о чём свидетельствуют окончание с золотой медалью в 1917 году Полтавского учительского института и более чем пятнадцатилетний стаж работы на педагогической ниве. Дипломная работа Макаренко «Кризис современной педагогики», по моим сведениям, считается утерянной. А жаль, поскольку, возможно, дала бы ответ на многие вопросы-загадки. Так что, вступая во второй, послереволюционный этап своей педагогической карьеры, к заведованию Полтавской (Ковалёвской) колонией для «морально дефективных», Макаренко был уже достаточно зрелым и как личность, и как профессионал. У него были веские, на его взгляд, основания считать, что «делать человека по-новому», в полном соответствии с духом революционного всеочищения, следует прежде всего с полного отказа от предыдущего опыта педагогической науки, достигнутого на протяжении столетий, от конструктивной роли общественных институтов в становлении личности, в том числе и такого архиважного, как семья. А новое придёт-де само собой в результате метода проб и ошибок. В этом изначальном «отрицании», в педагогическом нигилизме, и заключалось в те годы, считаю, главное заблуждение Макаренко, которого можно сравнить с мореплавателем, ступившим во главе команды на борт корабля и отправившимся в поисках «терра инкогнита» — неведомой обетованной земли. Это изначальное заблуждение первых лет заведования Полтавской (Ковалёвской) колонией закономерно повлекло за собой и второе: на определённом этапе Макаренко во главу угла возводит диктат субъекта воспитания над объектом, педагога над коллективом, правителя над обществом (всё в его педагогических построениях зеркально проецируется на общественные отношения и государственное строительство, и именно в этом, повторю, непреходящая ценность его воззрений). При этом определяющую роль личности как творческого микрокосма и семьи как единственно верного залога её гармоничного формирования он отрицает. «Мне нет дела до личности, я имею дело с коллективом» — вот его кредо той поры, и именно это вменяют ему в вину нынешние лукавые критиканы, бессовестно передёргивая, поскольку подлинная заслуга великого педагога, мыслителя и гуманиста не в этом, а как раз в диаметрально противоположном, к чему в тогдашних условиях невозможно было прийти, не пробившись сквозь тернии ошибок и заблуждений.

Подлинная же заслуга Макаренко, о чём его критики предпочитают умалчивать, — в том, что, переболев и самоисцелившись от детской болезни первоначальных просчётов, он публично признал свою ошибку и пришёл **к закономерному и единственно верному выводу** о том, что воспитательный процесс в педагогическом учреждении (которое есть не что иное, как своеобразный макет государства) может быть организован не на **авторитарном принципе одностороннего диктата «сверху вниз»**, на подлинно демократическом **принципе «параллельного действия»**, когда и общество-коллектив (во главе с правителем или педагогом — всё едино),

и каждая отдельно взятая личность изначально равноправны и взаимответственны: общество обеспечивает условия для защиты и гармоничного развития личности; личность же, в свою очередь, не утрачивая индивидуально-творческого начала, в своих действиях руководствуется идеей беззаветного служения обществу, подчиняя ему свои интересы и осознавая свободу не как анархическую вседозволенность, а как сознательную дисциплину, как осознанную общественную необходимость.

И теперь кредо Макаренко звучит совершенно иначе: «Переход от коллективного воздействия, от организации коллектива (от общества) к личности, к организации личности особым способом в первые годы моего опыта **был понят неправильно...** В каждый момент нашего воздействия на личность это воздействие обязательно должно быть и воздействием на коллектив. И наоборот: каждое наше прикосновение к коллективу обязательно будет и воспитанием каждой личности, входящей в коллектив... Втиснуть человека в единый шаблон, воспитать узкую серию человеческих типов — это кажется более лёгким делом, чем воспитание дифференцированное... **Идея защищённости каждой отдельной личности должна обязательно присутствовать в коллективе и украшать его стиль.** Она должна быть создана там, где каждая личность чувствует себя защищённой **от насилия и самодурства, от издевательства...** **Я только тогда сумею приказать товарищу, когда я чувствую личную ответственность перед коллективом.** Если же я этого не чувствую, то у меня остаётся только простор для личного преобладания, для властолюбия, для честолюбия...» (Здесь и далее выделено мною. — Ю.Ч.)

Что-то не встречал я в книге Азарова этих высказываний Антона Семёновича...

Стоит ли говорить, что, изменив свою принципиальную позицию во взгляде на диалектику личности и общества, Макаренко не мог не прийти и к отрицанию ещё одного прежнего «отрицания»: недооценки роли семьи в становлении и развитии человека, а значит, и общества в целом: «В развитии

моего опыта я пришёл к глубокому убеждению, что непосредственного перехода от целого коллектива к отдельной личности нет, а есть только переход через посредство специально организованного в педагогических целях промежуточного первичного коллектива... Я решил, что таким первичным коллективом, наиболее выгодным в воспитательном отношении, будет коллектив, наиболее напоминающий семью. Там создаётся забота о младших, уважение к старшим, самые нежные нюансы товарищеских отношений». Такие разновозрастные первичные коллективы-«семьи», насчитывающие не более 12 человек, были созданы Макаренко в коммуне им. Дзержинского, что дало блестящий результат.

Ссылка на эту мысль я тоже не заметил в романе Азарова, как и в сочинениях приверженцев его точки зрения...

И ещё одно, имеющее определяющее значение для понимания заслуг Макаренко перед человечеством. Прекрасно сознавая, что сама по себе идея защищённости личности от властного произвола правящей элиты и одновременно сознательное подчинение власти преобладающих интересам общества — чистая утопия, если при этом отсутствует единое сдерживающее нравственное начало, истоком коего может быть только возведённая в ранг государственной религии как гарант всеобщего равенства перед Высшим судией (вспомним лермонтовское:

«...Есть грозный Судия, он ждёт.
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперёд...»),

Макаренко создаёт в руководимых им воспитательных учреждениях некое подобие такой религии, в частности, «обожествляя» имя и личность А.М. Горького. «Особенно оживляемся мы в дни великих праздников... На эти праздники к нам приезжают много гостей... Зато 26 марта, в день Вашего рождения, мы не приглашаем никого. Нам всем это страшно нравится... Ровно в 12 часов к Вашему портрету торжественно выносятся знамя, и вся колония до единого человека торжественно усаживается за столы...

Знамя у Вашего портрета стоит до вечера, и возле него меняется почётный караул воспитанников и воспитателей. На меня, как заведующего, возложена особая честь — нести караул последнему... В этот день мы всегда повторяем: «Пусть каждый колонист докажет, что он достоин носить имя Горького... Ваша исключительная вера в человека помогает и нам верить... Без такой веры мы не могли бы работать в колонии. Теперь эта вера стала верой и наших хлопцев. Она задаёт в нашей колонии весёлый, здоровый и дружный тон» (из письма А.М. Горькому). Кроме того, в «Педагогической поэме», как мне кажется, есть скрытые намёки на то, что Антон Семёнович во многом пересмотрел свои взгляды на роль религиозного начала в общественной жизни.

И всё же, думаю, Макаренко велик не столько тем, что в результате своих долгих и мучительных странствий по «бурному морю противоречий» открыл нечто принципиально новое, дотоле не существовавшее. Его главная заслуга в ином. Образно говоря, увидя, наконец, на горизонте долгожданную «землю обетованную», ступив изъеденными морской солью сапогами на её твердь и прорубившись сквозь прибрежные заросли, он с удивлением обнаружил, что прибыл туда же, откуда некогда отбыл, правда, с противоположной стороны, эмпирически доказав тем самым, что Земля-то, оказывается, круглая! Иными словами, **Макаренко экспериментально подтвердил, что мир в своём развитии, вне зависимости от своеобразия исторической эпохи и политической конъюнктуры, движем одними и теми же, раз навсегда Богом данными закономерностями.** В педагогике, таким образом, Антон Семёнович стал скорее не Колумбом, а Магелланом. Однако следует ли из этого, что великое открытие Магеллана, впервые совершившего кругосветное путешествие, менее значимо для человечества, нежели заслуги Колумба?

**г. Харьков,
Украина**